

Индекс **П8643**

6
2022

РОССИЯ XXI 2022 6



РОССИЯ XXI

6. 2022 ноябрь-декабрь



Геоглобалистика

*Наталья Ивкина, Михаил Кучеров,
Асхад Бзегежев, Александр Торхов*

Россия в концептуальных документах ФРГ

и речах канцлера А.Меркель:

опыт количественного анализа _____ 6



Ресурсы нации

Андрей Келлер

Оружие, иностранцы и сталь:

государственные и партикулярные

практики в металлообрабатывающей

и оружейной промышленности в России _____ 22



Россия в мире

Татьяна Филиппова

«Балканская кадриль» глазами

русских карикатуристов _____ 48

Сергей Матвеев

«Это вдвигает историю национальную

в общую рамку всемирной истории»: Лев

Михайлович Сухотин и его учебники по истории _____ 62



Страницы истории

Екатерина Запелалова

Дворянки Нижегородской губернии
в 1860-е – 1890-е годы: землевладение,
брачный статус, предпринимательская
деятельность в имениях _____ 78

*Валерий Журавлев, Любовь Лазарева,
Елена Бесятова, Елена Курапова,
Ольга Шаикова, Наталья Суханова,
Дмитрий Маслов*

Советская экономическая модель
и судьба союзного государства _____ 104

Виктор Шахматов

Монархисты-народники против
конституционалистов: концепция
«Царского Самодержавия»
Н.Д.Облеухова _____ 130



Ярлыки и мифы

Вячеслав Романовский

«...Попробую написать, что
прикажут». Статьи публициста
Н.В.Устрялова на страницах советской
печати (1935–1937) _____ 150

Contents in English look at the page 176

РОССИЯ ХХІ

Редакционный совет

Председатель – **Дегоев В.В.**, доктор исторических наук, директор Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, профессор МГИМО-Университета МИД России;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России Московского государственного областного педагогического университета, главный специалист «Центра документальных публикаций» РГАСПИ;

Княнская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ; ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН;

Либих Андре, профессор истории, Школа международных исследований, Женева, Швейцария;

Соловьев К.А., доктор исторических наук, профессор РАН, профессор Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ)», профессор кафедры истории и теории исторической науки РГГУ, главный научный сотрудник Института российской истории РАН;

Панин В.Н., доктор политических наук, профессор Пятигорского государственного лингвистического университета, директор Института международных отношений ПГЛУ;

Розенберг Уильям, профессор истории, Мичиганский университет, США;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России средневековья и раннего Нового времени РГГУ.

Журнал «Россия XXI» включен
в утвержденный ВАК Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук

Редколлегия

Главный редактор – Кургинян С.Е.;
Бялый Ю.В. (заместитель гл. редактора);
Мамиконян Е.Р. (заместитель гл. редактора);
Ковалев М.В.;
Любин В.П.;
Фельдман Д.М.;
Хайлова Н.Б.

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, истории, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России.

Направляемые в редакцию статьи должны соответствовать тематике журнала (**см. рубрикатор на сайте**), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям. Содержание статьи должно содержать разделы, касающиеся предмета и метода исследования, состояния объекта исследования на текущий момент и научной новизны работы. В конце статьи необходимо сделать выводы.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, место работы и должность, телефон и адрес электронной почты для контактов).
Название статьи.

Аннотацию на русском и английском языках (500–900 знаков с пробелами).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова на русском и английском языках.

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Постатейный (нумерованный) библиографический список, оформленный в соответствии с требованиями ВАК РФ.

В начале списка помещаются архивные материалы, затем публикации (по алфавиту).

Для книг указываются *издательства (типографии* – для дореволюционной поры) и *листаж*, для статей – *страницы в издании*.

Для электронных изданий обязательна *дата обращения*.

В тексте и в постраничных примечаниях (после содержательной части) ссылка дается в квадратных скобках:

Объем статьи, включая библиографический список, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в нескольких номерах журнала.



**Валерий Журавлев, Любовь
Лазарева, Елена Беспятова, Елена
Курапова, Ольга Шашкова, Наталья
Суханова, Дмитрий Маслов**

**СОВЕТСКАЯ
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ
И СУДЬБА СОЮЗНОГО
ГОСУДАРСТВА**

**(МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО
СТОЛА)**

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК
93/94

Столетие образования и тридцатилетие распада СССР актуализируют поиск причин происшедшего. В последние годы вышел ряд монографий и сборников документов (указаны в списке к публикации Л.Н.Лазаревой – 1, 3, 4, 6), в которых экономическая тематика занимает важное место. Идея круглого стола, состоявшегося 22 апреля 2022 г. в Центре социально-политической истории (сотрудникам которого Е.Н.Струковой, И.С.Кучанову, В.П.Ланиной участники мероприятия выражают искреннюю признательность), заключалась в том, чтобы авторы указанных изданий представили свое видение связи экономических процессов на всех этапах истории Советского Союза с распадом государства. Инициатива проведения круглого стола принадлежит Государственной публичной исторической библиотеке, кафедре новейшей истории России МГОПУ, Российскому государственному архиву литературы и искусства. Тексты публикуются в авторской редакции. Ответственные за публикацию Д.В.Маслов, Л.Н.Лазарева.

The centenary of education and the thirtieth anniversary of the collapse of the USSR actualize the search for the causes of what happened. In recent years, a number of monographs and collections of documents have been published (listed in the list for publication by L.N.Lazareva – 1, 3, 4, 6), in which the economic theme occupies an important place. The idea of the round table, held on April 22, 2022 at the Center for Socio-Political History (to which the participants of the event express their sincere gratitude), was for the authors of these publications to present their vision of the connection of economic processes at all stages of the history of the Soviet Union with the collapse of the state. The initiative of the round table belongs to the State Public Historical Library, the Department of Modern History of Russia of Moscow State Regional Pedagogical University, the Russian State Archive of Literature and Art. The texts are published in the author's edition. Responsible for the publication D.V.Maslov, L.N.Lazareva.

Ключевые слова: экономические процессы и распад государства.
Key words: economic processes and the collapse of the state.

E-mail: laz_dom@mail.ru; 79162168532@yandex.ru

Импортозамещение или импортопреодоление – вот в чем вопрос!

Поскольку в основу идеи проведения настоящего круглого стола была положена презентация комплекса исследовательских и документальных изданий, посвященных истории советского реформирования, считаю возможным остановиться на концептуальной стороне вопроса, на некоторых моментах становления общего замысла, положенного в основу наших изысканий. При этом мы исходили из того, что феномен советского реформирования трудно понять и оценить, не сориентировавшись предварительно в координатах того общества, которое бросило вызов цивилизационного масштаба и значения всему остальному миру. И в течение семидесяти с лишним лет пыталось отстаивать этот вызов на всех возможных «фронтах» жизнедеятельности социума: экономическом, социальном, политическом, мировоззренческом, идеологическом, духовном, культурном, нравственном... И, конечно же, на реальных фронтах Гражданской, Великой Отечественной и сменившей ее «холодной войны».

Начиная работу, мы положили в основу наших изысканий основополагающий тезис о том, что по мере того, как события и явления советской истории все более и более отдаляются от нас а проблемы современности нарастают, становится очевидным, что данный феномен не заслуживает безоговорочного порицания, как и его тотальная идеализация. Он нуждается в серьезном, сбалансированном, политически и эмоционально не ангажированном изучении, хотя в итоге и не удавшейся, но исторически значимой заявке на некапиталистический тип модернизации общественных отношений. Концепция наших наработок складывалась не один год и даже не одно десятилетие. Готовясь к настоящему выступлению, я вспомнил о событии 17-летней давности. Когда в ходе проходившего еще в 2005 году научного семинара Фонда политического централизма мне пришлось участвовать в обсуждении очень интересного и, как показало время, точного в прогностическом плане доклада Вардана Эрнестовича Багдасаряна «Экономические реформы как способ реализации национальных интересов и национальной безопасности России». Доклад вызвал достаточно острую дискуссию. Последовательные глобалисты, находясь на пике своей тогдашней популярности, пугали ситуацией, когда нас «коленками вытолкнут» из мирового глобализи-

рующегося пространства, и мы будем «со своими национальными ценностями сидеть и жевать одну картошку и пить плохое "Жигулевское" пиво».

Находясь в числе оппонентов такого «железобетонного» подхода, ваш покорный слуга настаивал на необходимости анализа не только негативных, но и позитивных сторон советского опыта существования страны, оказавшейся, по существу, в блокаде от остального мира.

Попытаюсь дословно воспроизвести некоторые положения этого выступления, заявленного в такой формулировке: «Будь рыночным глобалистом, но держи козырь автаркии в кармане».

Не для саморекламы, а исключительно с позиций того, от каких представлений начинался путь нашего коллектива к формированию концепции советского реформирования в сопоставлении ее с запросами современности.

Итак, цитирую:

«Уже исторически очевидным фактом постсоветской действительности стало видение и понимание того, к чему может привести безоглядное ориентирование отечественной экономики на чужие и чуждые ее природе образцы. Так что сама историческая практика требует поиска приемлемого сочетания инструментария глобализирующегося мирового рынка с автаркистским "неприкосновенным фондом". Непременная составляющая такого "фонда" – все то, что способно обеспечить безопасность страны и ее граждан на случай кардинальных изменений внешне- и внутривнутриполитической ситуации.

Возьмем, к примеру, продовольственную безопасность – "ахиллесову пята" современного российского общества. Наше историческое прошлое, как, впрочем, и настоящее, свидетельствуют, что Россия способна выдержать практически любые потери и испытания. Но голод, который может возникнуть в гипотетическом случае объявления экономической блокады страны и простой невозможности закупать продовольствие победить ничем, кроме наличного продовольствия, нельзя. Если мне скажут, что такая ситуация нереальна, то я отвечу, что мудрая государственная политика должна учитывать все теоретически возможные ситуации. (Кстати, мне уже приходилось слышать на одном из авторитетных международных симпозиумов "новации" некоего доктора географических наук, считающего себя специалистом по глобалистике: "А зачем нам армия? Ведь нам никто не угрожает")...

Плата, которую сегодня Запад требует от России за ее приобщение (назовем это "причащением") к "мировой цивилизации", включает в се-

бя и весьма определенные "таинства" псевдоевхаристии в виде "плоти и крови" нации, в том числе ее природных богатств. Со временем по мере усиления мирового сырьевого кризиса, требования эти будут ужесточаться, реализуя себя не только экономическими средствами. В этой ситуации надо уже сегодня готовить "наш ответ Чемберлену", ответ, который, если не положит конец, то принципиально ограничит наши поставки Западу сырья за бесценок. Иными словами, "козырь автаркии"... служит для российского социума жизненно необходимым атрибутом самосохранения» [1].

Эти исходные установки 17-летней давности (в ряду иных) и были положены в основу нашего анализа типа советского реформирования.

Что мы имеем к настоящему времени? Думаю, что страна вступает в полосу перехода от догоняющего развития к органическому. Ориентируясь при этом не на чьи-то посторонние образцы, а на собственные внутренние потребности. Руководствуясь при этом принципом, который я бы сформулировал следующим образом: «Изменяя себя, не изменяй самому себе».

Термин «импортозамещение», который сегодня у всех на слуху, я лично склонен толковать как «**импортопреодоление**». И распространять его не только на область товарооборота и экономики в целом. Но и на все сферы жизни российского общества, вплоть до мировоззрения, культуры и духовной жизни в целом. И, конечно же, образования не в последнюю очередь.

Саму же национальную идею я лично для себя формулирую следующим образом: «**Встать вровень с самыми передовыми странами, оставаясь при этом Россией**».

Подводя промежуточные итоги в свете проблем современного этапа нашего развития, можно констатировать, что день нынешний актуализировал наработки нашего творческого коллектива как исследовательского, так и документального плана. Показав, что опыт СССР содержит как несомненные достижения, так и предостережения, что в одинаковой степени ценно. И что нашло отражение в сегодняшних выступлениях.

К числу советских реформаторских достижений, заслуживающих особого внимания с позиций актуальности их в плане исторического опыта, можно отнести высокий профессионализм денежных реформ 1921, 1924 и 1947 годов, комплексность усилий государства и общества в реализации начал культурной революции как системной реформы.

Не потеряли своего значения для современности экономические дискуссии 1920-х годов в русле выработки принципов Новой экономической

политики, планы и дискуссии 1947–1953 гг. на этапе позднего сталинизма, опыт послевоенной дедолларизации экономики. А также острые и зрелые обсуждения в ходе становления концепции «косыгинской» экономической реформы 1965 года.

В плане предостережений заслуживают внимания парадоксы и метания «хрущевского» десятилетия, свидетельствующие о том, как можно укреплять страну, одновременно подготавливая почву для ее разрушения.

И, конечно же, тщательного анализа с позиций современных вызовов требуют уроки «горбачевской» перестройки, прежде всего как «размашистой» реформаторской политики. Результаты и последствия которой, не будучи подкрепленными реальными сдвигами, вышли из-под контроля государства, а также не получили понимания и поддержки в широких слоях общества. Создав предпосылки для распада СССР.

Рассчитываю, что у нас еще хватит времени и сил для дальнейшего движения по уже означенным направлениям.

Библиографический список

1. Журавлев В.В. Будь рыночным глобалистом, но держи козырь автаркии в кармане // Социально-политические процессы и экономическое состояние России. Материалы научного семинара. Выпуск №5. М.: Научный эксперт, 2005. С.150–151.

Елена Беспятова

Парадоксы НЭПа в контексте образования союзного государства

Современные задачи административно-территориального устройства обновляющейся Российской Федерации требуют глубокого понимания этиологии центробежных националистических тенденций 1990–1991 гг., приведших к распаду СССР. Поиск причинно-следственных связей, ставших предпосылками кризиса мощного государства, подталкивает исследователей к анализу проблем взаимосвязи практического управления советским государством и территориальной дифференциацией экономического пространства. Причем на самом раннем этапе национально-государственного строительства СССР, совпавшем с периодом новой экономической политики.

Установка на НЭП, как экономическую политику «всерьез и надолго», «по умолчанию» активировала задачу создания системы рационального управления экономикой, сочетающей рыночные отношения с централизованным планированием и обобщественными средствами производства. Логика восстановления всех регионов и экономики страны в целом, а также обоснованного построения экономических связей между аграрным и промышленным секторами экономики, формировали задачу институализации новых территориальных отношений.

Однако на первом этапе национально-государственного строительства административно-территориальное образование четырех советских республик и их объединение в 1922 г. в одно Союзное государство носило формальный и демонстративный характер. Это было как бы послание стране и всему миру о том, что создается новое государство: «Союз Советских Республик Европы и Азии» [1, с.211], т.е. государство, в котором добровольно объединяются многие социалистические государства в настоящем и в будущем.

Таким образом, в образовании Союзного государства основными были факторы внеэкономического характера (фактор равноправия и перспектива мировой революции). Однако работа по административно-территориальному конструированию советского государства только разворачивалась. Эмпирический дискурс утверждался в государственных плановых и научных учреждениях: Государственной комиссии по электрификации России, Госплане СССР, Центральном статистическом управлении СССР и научно-исследовательских институтах в структуре Академии наук.

В авторитетной среде отечественных экономистов, политиков и государственных деятелей заговорили об экономическом районировании. Принципиально новым здесь было то, что экономическое районирование позиционировалось не для нужд научного исследования территорий или практического управления регионами. А рассматривалось в качестве базового принципа административно-территориального устройства Союзного государства. Таким образом, экономическое районирование из предмета исследования экономики в порайонном профиле принимало концепт структурной основы национально-государственного строительства советской России. На практике при государственном структурировании наряду с национальными принципами федерализма, конфедерализма и автономизации утверждался экономический принцип районирования.

На наш взгляд, принцип районирования был компромиссом между централизмом и конфедерализмом. Базирующееся на основе принципа автономизации, экономическое районирование предполагало формирование единого хозяйственного механизма – «единой фабрики» – на общей территории, объединяющей советские республики.

Именно на подчинении административно-территориального деления Союза экономическому признаку настаивал будущий академик АН СССР Иван Гаврилович Александров, участник разработки плана ГОЭЛРО и один из авторов проекта Днепрогэса.

По мнению Александрова неоднозначный этнический состав, значительная культурная и экономическая отсталость большинства народностей, населяющих территорию СССР, разнообразные формы проникновения одного социума в другой предопределяли такую государственно-национальную структуру, при которой правовое равенство являлось лишь одним из факторов нового государства. Автор и сборник идеи экономического районирования территории страны утверждал, что, если хозяйственные связи внутри страны правильно будут сконструированы и будут соответствовать объективным предпосылкам экономического развития, то как раз они и станут базой прочного национально-государственного единства Советского Союза [2, с. 61]. В основе районирования Александров видел следующие принципы: 1) Границы автономий не должны нарушаться; 2) Конституции автономий также не должны нарушаться; 3) Отраслевые объединения и изменения границ должны производиться на основе добровольных соглашений и утверждаться высшей союзной инстанцией [2, с. 62].

Основную идею районирования – создать национально-государственное единство на базе целесообразного сотрудничества, соответствующего объективным предпосылкам экономического развития, поддерживали и развивали отечественные ученые-экономисты, представители организационно-производственной школы русской экономической мысли.

Но прежде необходимо отметить, что идея районирования, то есть эффективного хозяйственного размещения и специализации не была оригинальной. Теоретическими родоначальниками и первыми практиками районирования были немецкие ученые, разрабатывавшие идею «изолированного государства»: экономист Иоганн Генрих фон Тюнен, философ Иоганн Фихте, экономист и директор электротехнического концерна Вальтер Ратенау. Позже идею экономической самостоятельности и самодостаточности подхватили советские профессора Тимирязевской академии, посчитав ее конструктивной и перспективной, с поправкой,

однако, на географический фактор. Немецкие ученые разрабатывали экономическую модель относительно небольшого государства. Российские же ученые разрабатывали экономическую модель применительно к условиям огромной многонациональной, многоконфессиональной и природно-климатически неоднородной страны.

Особый интерес вызывают наработки выдающегося русского ученого, представителя организационно-производственной школы, Александра Николаевича Челинцева (1874–1962). При разработке первой пятилетки Челинцев отстаивал концепцию углубления межрегионального разделения труда и создания крупных специализированных зон, производящих и поставляющих товарную продукцию для всей страны на единый рынок. Примером для него было решение хлопковой проблемы. Так, Средняя Азия, прежде всего Узбекистан, была превращена в хлопковый регион. Зерновые были убраны оттуда, а снабжаться зерном Средняя Азия стала из Сибири. А для решения этой задачи был построен (1927–1930) Турксиб – железная дорога из Сибири в Среднюю Азию [3, с. 69].

Рациональное решение этой большой народно-хозяйственной задачи было флагманом в 1920-х годах в проведении политики укрупнения регионов и планирования их развития в рамках единого народно-хозяйственного комплекса страны.

Однако в 1930-х годах произошёл отход, особенно в сельском хозяйстве, от идеи единой экономической системы и единого рынка к идее регионального продовольственного самообеспечения и продовольственной безопасности. Начиная с 1931 г. только что созданные края и области стали подвергаться дроблению, а уже в 1937–1944 гг. это дробление приобрело прогрессирующий характер.

Победа этнического (национального) критерия над экономическим, при административно-территориальной дифференциации, была следствием того, что в обстановке кризиса нэповской экономической модели политическое руководство страны опасалось роста националистических настроений. Распад единого экономического пространства и насаждаемая политика коренизации и умиротворения национальных идентичностей привели в перспективе к обострению национальных отношений. Парадокс заключается в том, что отказ от идеи единого рынка стал важной предпосылкой раздробления страны и распада Союзного государства.

В условиях развития рыночной экономики в сложной геополитической обстановке имеет смысл вновь вернуться к первоначальным идеям районирования и оценить всю важность единой экономической системы

и единого рынка с соответствующими различиями и специализацией производительных сил.

Библиографический список

1. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Т.45, март 1922–март 1923. 1964. 729 с.
2. Александров И.Г. Основы хозяйственного районирования СССР. М.; Л.: Экономическая жизнь, 1924. 76 с.
3. Челинцев А.Н. Методология и практика сельскохозяйственного районирования (избранные труды). М.: ВИАПИ; ЭРД, 2006. 346 с. Вып.3.

Елена Курапова

Промышленность России в годы НЭПа: насущенные проблемы деятельности трестов и синдикатов

В общей теме «Советская экономическая модель и судьба союзного государства» период проведения в СССР новой экономической политики занимает одно из важнейших мест. За короткий в историческом плане временной отрезок, даже не полного десятилетия 1920-х гг., была восстановлена, в основных чертах, экономика России, снова начало функционировать единое экономическое пространство, разрушенное Гражданской войной [1, с.35]. Введением и реализацией новой экономической политики была «спасена» Советская власть и обеспечено продолжение строительства нового строя. Сворачивание НЭПа стало предтечей монолитного господства государства в экономической жизни страны, что, в конечном итоге, привело сначала к экономическому, а затем и политическому краху державы.

Важнейшим атрибутом действия экономической системы НЭПа, при всех возможных отступлениях, являлось наличие рыночной конъюнктуры, определявшей в конечном итоге развитие хозяйственной деятельности в стране. Какие проблемы хозяйственной практики, экономической повседневности тех лет можно выделить как характерные? Остановимся подробнее на вопросах развития российской промышленности тех лет. Поставленная в годы НЭПа задача трестирования и синдицирования промышленности была неразрывно связана с развитием торговых операций, в процессе ее реализации возникла проблема частного посредничества во взаимодействии между государственными органами,

стал актуальным вопрос использования иностранного капитала для промышленного возрождения России. Взаимодействие госпромышленности и кооперации, роль частного капитала в развитии пищевой и легкой промышленности также вошли в актуальную повестку дня.

В годы НЭПа значимую организационно-надзорную роль в сфере промышленности имел Высший Совет Народного Хозяйства. Обращение к документам этого документального комплекса позволяет узнать о положении дел в трестах и синдикатах, созданных в годы раннего НЭПа. Например, в справке Экономического управления ВСНХ (1 июня 1922 г.) о деятельности Стеклофарфортреста за первые месяцы его деятельности указано, что трест объединяет 4 фарфоровых и 12 стекольных заводов Центральной России с общим числом рабочих 10 500 человек. «Выработка на одного рабочего в сравнении с довоенным временем составляет 50% ввиду изношенности оборудования, недостатка квалификации рабочих и плохого снабжения». Основное сырье фарфорово-фаянсовых фабрик (каолин, кварц, полевой шпат) «ввозилось до октября 1917 г. из-за границы, с 1920 г. начинается разработка русских месторождений». Продажа продукции «производится путем предложения на бирже» и «через уполномоченных», для розничной продажи открыто 5 магазинов. Как указано в документе, «в данный момент – кризис сбыта. Рынок наводнен товарами не только треста, но и других стекольных объединений. На оконное стекло сезон осенью, а посуда идет слабо». Приведенные в справке расчеты о финансовом положении треста говорят о дефиците в 1 700 000 золотых рублей [1, с.250, 253].

Согласно «Обзору Экономического управления ВСНХ. Краткий обзор в цифрах» от 23 ноября 1922 г. синдицирование промышленности в первую половину 1922 г. «охватило отрасли промышленности, вырабатывающие преимущественно предметы широкого потребления», были организованы текстильный, соляной, кожевенный, спичечный, сельскохозяйственного машиностроения, табачный, махорочный, винокурный, швейный синдикаты. При этом «основные отрасли промышленности и отрасли, связанные больше с государственным, а не частным рынком, сильно запоздали» (угольный, нефтяной, синдикаты «металлической промышленности» и др.). В 12-ти существующих синдикатах объединены 142 треста, в которых 1587 предприятий с 486 298 рабочих [1, с. 274, 278].

Начиная с 1923 г. в президиум ВСНХ СССР стали поступать ходатайства действующих синдикатов о предоставлении кредитов. Так, например, 31 октября 1923 г. Уральский горнозаводский синдикат «Урал-

мет» обратился с просьбой о предоставлении долгосрочного кредита под имеющуюся в наличии продукцию. В документе говорится «о полной депрессии в области спроса на металлическую продукцию»: за октябрь Уралмету удалось заключить «несколько крупных сделок по продаже чугуна... около 450 000 пудов на сумму до 800 000 червонных рублей». Однако «эта запродажа мало действительна в смысле финансовой поддержки»: в условиях «современного безденежья условия соглашения предусматривают аванс в размере всего 25 %, из коих только 15 % наличными, а 10 % векселями, которые при отсутствии кредита не могут быть учтены, остальные 75 % уплачиваются под дубликаты накладных». Таким образом, «сделанные запродажи» не дали «ощутительного увеличения оборотных средств». Как говорится в заключительном абзаце документа, «уральская металлопромышленность находится по недостатку оборотных средств в катастрофическом положении и только срочный кредит в размере до 6 000 000 червонных рублей может ее спасти от полного краха» [1, с.318, 320].

Основанием для обращения в ВСНХ СССР руководства Всероссийского текстильного синдиката 25 августа 1924 г. послужила необходимость расширения производства: «в результате спроса деревни и резкой перемены... торговой политики, когда с марта была объявлена борьба частному оптовику и текстильная промышленность в торговле тканями стала ориентироваться на кооперацию, спрос на ткани стал превышать предложение». Нарастивание объема выпуска продукции в части «ситца, бельевого и рубашечно-плательного товара» должно «внести улучшение в ассортимент в смысле большего его соответствия требованиям рынка». Выявленный недостаток средств на расширение производства синдикат планировал восполнить за счет «увеличения кредита со стороны трестов и банков синдикату». Первое «будет использовано, насколько позволит финансовое состояние трестов», а вопрос о банковском кредите «должен быть поставлен в порядок дня». Синдикат запросил увеличение размера банковского кредита с 14 до 36 млн рублей, иначе ситуация вынудит синдикат перейти «от кооперации и госторговли» на торговлю с частными лицами, «как более денежными». Такая «перестройка... экономически крайне вредна», поскольку «лишит первых наиболее рентабельного товара – мануфактуры» [1, с.344].

Отношения синдикатов и входящих в них трестов как хозяйствующих субъектов не были беспроблемными. Например, 3 января 1924 г. правление Пензенского Госспичтреста направило правлению Спичечно-го синдиката претензию на поставку некачественной серы в количестве

почти 4-х тысяч пудов. Сера содержала значительные «засоренности». Трест предложил синдикату сделать 35% скидку на поставленное сырье, поскольку отправка его обратно с учетом «всех расходов, произведенных на оплату ж-д тарифа и доставки на фабрики и обратно» составит значительную сумму, при этом синдикат ввиду «плохого качества материала» вряд ли сможет сбыть его «хотя бы за сниженную наполовину цену». Трест отмечает и проблему «плохого качества спичек, вырабатываемых из этой серы» [1, с.327].

Актуальным являлся вопрос привлечения иностранного капитала для развития российской промышленности. 25 ноября 1925 г. председатель правления Ленинградского треста пищевой промышленности, отвечая на циркулярное письмо Консервсиндиката, сообщал, что консервы «становятся продуктом питания широких масс населения» и «развитие консервного производства становится... задачей сегодняшнего дня». Однако этому «ставит серьезные преграды недостаток оборотных средств», в связи с чем «привлечение иностранного капитала» полезно и «предпочтительно в форме образования смешанных обществ». В вопросе «об объектах концессии» автор письма категорически против «передачи в концессию предприятий, которые находятся в полной исправности и для полной загрузки которых требуются незначительные средства». В частности, местный консервный завод «при небольшой дотации» справится «не только со всем сырьем, предлагающимся в Ленинграде в данный момент к переработке, но будет стимулировать развитие рыбного промысла в Северо-Западной области» [1, с.400].

Произошедшее в конце 1920-х гг. сворачивание рыночных элементов в хозяйственной практике народнохозяйственного комплекса СССР привело к ортодоксальной монополии государства в экономической жизни страны. Итог подобной практики стал нагляден в 1991 г. [2].

Библиографический список

1. Экономика компромисса. К 100-летию НЭПа в России. Сборник документов / научный редактор А.В.Юрасов, ответственные редакторы Е.Р.Курапова, В.С.Пушкарев. – Москва: Кучково поле Музеон, 2021.

2. «...в области создавалась крайне напряженная ситуация...» Июль 1991 г. (По материалам Министерства экономики и прогнозирования СССР) / Е.Р.Курапова, В.С.Пушкарев // Самарский архивист: научный альманах. 2021. №1. С.541–584.

Идеология советской индустриализации в культуре довоенного СССР (по материалам РГАЛИ)

Восстановление экономики страны, находящейся в экстремальных условиях, сегодня актуально для России как никогда. Любое государство в подобной ситуации начинает искать в своем прошлом аналогии, ценный опыт, который помогает в выстраивании общей стратегии.

Собирание России, начатое после разрухи революций и Гражданской войны, было тесно связано с формированием экономики мобилизационного типа. Вместе с тем сама мобилизационная модель развития выдвигала индустриализацию страны на первый план. Эти взаимообусловленные процессы делали центростремительные тенденции доминантными. Советская индустриализация, старт которой был дан еще в дореволюционный период, предполагала создание единого экономического пространства, что невозможно без единства политического, воплотившегося в государстве нового типа, – Союзе Советских Социалистических Республик.

Однако советский довоенный опыт в области развития экономики, несмотря на его богатство и успехи, достигнутые страной (их проверкой стала Великая Отечественная война), сегодня малоприменим: изменились как условия хозяйствования, так и политические цели. Вместе с тем единственная сфера, связанная с работой «людей с людьми» – идеологическая, может считаться «полезным прошлым», поскольку воплощавшиеся в СССР методы пропаганды и агитации и сегодня впечатляют достигнутым результатом.

Советская мобилизационная экономическая модель, базировавшаяся на индустриализации, стала предметом изучения почти одновременно с началом промышленного развития страны, но исследование ее пропагандистского аспекта получило старт в послевоенное время [3, 5]. В своем большинстве работы касались, прежде всего, условий труда и быта советских граждан, участия женщин, молодежи в производственных процессах, достижений в сфере образования. Однако там находили отражение и средства художественного воспитания, что считалось необходимым. Особую роль при этом имели партийные решения, нацеленные на регулирование идейного содержания искусства. Если в советский период такой подход признавался оправданным, то с конца XX в. исследования нередко низводили его до уровня прямолинейного исполнения

партийных команд и окриков по адресу творческой интеллигенции. Отсутствие взвешенных оценок, с учетом отечественных традиций в идеологической сфере, обращения к зарубежному опыту в той же сфере, – все это формировало ограниченное представление о советском художественном творчестве межвоенного периода [3, 4, 6, 7].

Советские археографические исследования этой проблемы были эпизодичны. Одним из первых научно-популярных опытов в этой области стала серия «История фабрик и заводов», выходившая под эгидой учрежденной А.М.Горьким «Главной редакции» с 1932 по середину 1950-х гг. Она придала особый импульс пропаганде индустриализации и одновременно ее изучению. Серия (вышло более 200 книг, почти 40 из них – в довоенный период) действительно создала «энциклопедию нашего строительства», став своего рода «эпосом» индустриализации [1].

Иной характер предполагался у серии «История культурного строительства в СССР», в рамках которой вышел единственный общесоюзный сборник – «Культурное строительство в СССР, 1917–1927. Разработка единой государственной политики в области культуры» [2].

Изучение глубинных процессов межвоенного периода во всех областях культуры и искусства невозможно рассматривать без понимания того, как новое советское искусство формировало социальный дискурс в обществе, конструировало востребованный временем тип героя. Такой подход позволит понять, как название известного произведения В. Катаева «Время, вперед!» стало знаменем духа времени, присущего в тот период не только СССР, но и западноевропейским странам. А образ пролетария, одухотворяющего механизмы, новая «праздничная культура», творчество русских авангардистов, переплавивших художественные принципы в новые формы промышленного дизайна и конструктивизма, воплотивших их в «живом театре» и новом документальном кино, – явились закономерным ответом на вызовы времени.

Единство политической воли в стране показало, как за сравнительно короткий срок был не только объединен в одном направлении многоголосый хор деятелей разных видов искусства, но и сами они стали организаторами «живого творчества масс».

Наглядно увидеть добровольное участие в промышленных преобразованиях писателей, композиторов, художников, сценаристов, артистов помогают личные фонды, которые хранятся в РГАЛИ.

Начало XX в. стало временем «экспансии» кино, театра. Среди представителей «самого сильного из искусств» – кино, надо выделить ценнейшие документы С.Эйзенштейна (ф. 1923), А.Довженко (ф. 2081),

Дз.Вертова (ф.2091), Э.Шуб (ф.3035) и десятков других, не только ставших новаторами в деле техники съемок и монтажа, разработки новых жанров киноискусства, но и выбора проблематики.

Авангард в театре межвоенного периода особо близок к именам Вс. Мейерхольда (ф.998), А. Таирова (ф.2328) и др.

Производственный роман, научная фантастика, имевшие в основе промышленные преобразования, не обошли творчество ни одного литератора. Среди них имена Ф.Гладкова (ф.1052), В.Маяковского (ф.336), И.Новикова (ф.343), О.Бергольц (ф.2888), Б.Ясенского (ф.1861), А.Платонова (ф.2124), В.Пановой (ф.2223), М.Шагинян (ф.1200), К.Паустовского (ф.2189), В.Катаева (ф.1723) и сотен других.

Не менее зрелищным и значимым было творчество художников и архитекторов, скульпторов, нередко отождествлявших строительство индустриальных гигантов с произведениями искусства, – П.Филонова (ф.2348), В.Татлина (ф.2089), В.Мухиной (ф.2326) и многих других.

Немалое количество документов по проблеме есть в материалах десятков общественных и государственных организаций: ВХУТЕМАС–ВХУТЕИН, Союз советских писателей, Союз архитекторов, Комитет по делам искусств при СНК СССР, Госкино и др.

Весь межвоенный период процессы консолидации шли в разных областях художественного творчества, что в итоге мобилизовывало и презентовало человека труда, как высшую ценность общества.

Библиографический список

1. А.М.Горький и создание «Истории фабрик и заводов»: Сб. документов и материалов в помощь работающим над историей фабрик и заводов в СССР / Сост. Л.М.Зак, С.С.Зими́на. М.: Соцэкгиз, 1959. 363 с.
2. Культурное строительство в СССР, 1917–1927. Разработка единой государственной политики в области культуры. Документы и материалы. М.: Наука, 1989. 381 с.
3. Лельчук В.С. Социалистическая индустриализация СССР и ее освещение в советской историографии. М.: Наука, 1975. 312 с.
4. Макаров А.Н. Индустриализация и формирование «нового» человека в изображении фото- и кинохроники 1930-х гг.: (по материалам Магнитогорска). // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. Вып.1(31): Январь – февраль – март. М.: Изд-во Магнитогорского государственного университета (МаГУ), 2011. С.113–125.
5. Наумов Н.В. Проблемы индустриализации СССР в советской историографии. // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. №3 /2003. С.40–71.

6. Орлов О.Л. и др. Праздничная культура России / Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств. СПб.: КультИнформПресс, 2001. 159 с.

7. Шпотов Б.М. Социальная история индустриализации СССР по материалам американской и советской печати // Мифы и реалии американской истории в периодике XVIII–XX вв. Т.3. М.: ИВИ РАН, 2010. С.133–196.

Наталья Суханова

Социалистическая модернизация сельского хозяйства на Северном Кавказе в годы коллективизации в контексте традиционалистского сознания его населения¹

Советская модернизация носила не системный, а, скорее, фрагментарный характер. На фоне динамичного развития экономической сферы явно были недостаточными и медленными качественные перемены в уровне культурного роста, бытовых норм, развития личности, общественного сознания, степени идеологической убежденности сельского населения молодого советского государства. Особенно сложно происходили означенные процессы в иноязычной среде.

В качестве яркого примера сложного протекания процессов «врастания» местного населения в социалистическую жизнь можно привести народы Северного Кавказа. Регион являлся сложным по многим показателям. Его характеризовали следующие особенности.

В конце 1920-х – 1930-е гг. территория Северо-Кавказского края была значительной. За указанные годы несколько раз менялось административно-территориальное устройство края. Можно определить его границы следующим образом: современные территории Краснодарского и Ставропольского краев, Ростовская область, Адыгея, Карачаево-Черкессия, Северная Осетия, Кабардино-Балкария, Чечня, Ингушетия и Дагестан входили в его состав. По земельным ресурсам, полезным ископаемым, наличию акватории двух морей и ряду других показателей край был значимым регионом. При этом многообразии природно-климатических зон создавало различные условия для возможностей сельскохозяйственного производства. Регион имел как плодородные территории, так и зоны рискованного земледелия и горы.

Здесь проживали христиане и мусульмане разных течений, иудеи. Это, помимо земельных споров, создавало поводы для вражды.

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект 21-09-43005 «Методология исследования причин распада СССР».

Что касается русских регионов Северного Кавказа, то здесь в процессе коллективизации происходили известные процессы, направленные на формирование коллективных хозяйств, позволявших государству главенствовать в системе производства сельскохозяйственной продукции и ее распределения. Тогда было положено начало раскрестьянивания деревни, которое не было завершено, т.к. сохранилась их культура и исторический тип. При этом традиционное крестьянское хозяйство не было сохранено.

В казачьих регионах были свои особенности в проведении коллективизации, которая нивелировала хозяйственную разницу между казаком и иногородним, вела к «растворению» казачества в иных социальных слоях населения из-за потери ряда своих значимых признаков.

Но мы рассматриваем особенности проведения коллективизации в неславянских регионах Северного Кавказа для того, чтобы понять прямую связь экономической политики с практикой реализации национальной политики в СССР и вытекающие из этого последствия.

Край населяли свыше сорока этносов с ревностным отношением к сохранению своего традиционно-культурного типа [2, с.32–33]. Тейповая закрытость горцев не создавала условий для коллективных форм производства. Индивидуализм был и бытовой, и хозяйственной чертой населения.

Эти качества повлияли на ход и результаты коллективизации, которая осуществлялась без учета данных особенностей. При этом необходимо учитывать то, что к концу 1920-х гг. в регионе активно развивался процесс коренизации, принятый местным населением с воодушевлением. Между тем после Гражданской войны ситуация в регионе оставалась сложной. Противостояние новым органам власти имело место в Чечне, Дагестане, Северной Осетии. В середине 1920-х гг. было проведено несколько операций по разоружению местного населения, в ряде районов вместо советов вновь стали действовать ревкомы. Начало коллективизации в конце 1920-х гг. на Северном Кавказе сопровождалось 1440 антисоветскими выступлениями [5, с.31].

Смена ориентиров в сторону усиления прорусской ориентации в идеологии и национальной политике в начале 1930-х гг. в сочетании с коллективизацией усилили враждебность горцев. В условиях крайнего малоземелья они вели натуральное или полунатуральное хозяйство. Земледелие, особенно зерновое производство, было развито слабо. Ни психологически, ни экономически горцы не могли принять политику коллективизации. Поэтому решение о вхождении в колхоз принималось

общим голосованием. Руководство состояло из местных коммунистов, которые, понимая местные особенности, пытались смягчить сложности коллективизации. Помимо приписок, фиктивных цифр выполнения планов и коллективизированных хозяйств, они вносили предложения, облегчавшие ситуацию, – создавать только ТОЗы и животноводческие хозяйства – которые помогали, хоть и незаконно, сохранять частную собственность и частную инициативу внутри хозяйств. Это спасало население от голода и ухода в города.

На первом этапе цифры выполнения планов коллективизации в отчетах были реальными. Они составляли от 24,5 процентов в Северной Осетии до 2,6 процентов в Чечне [4, с. 276]. Но растущие требования к увеличению количества коллективных хозяйств привели к припискам, показывавшим до 80 процентов коллективизированных хозяйств. Все это происходило на фоне нараставшего недовольства местного населения новыми порядками, бесплатными работами, преследованием религиозных деятелей, запретом на традиционные уклады и религиозные основы мировоззрения, введением коллективного воспитания в детских яслях, светским образованием, созданием женсоветов и др. В ходе Баксанских выступлений 1928 г. население требовало распустить колхозы и партийные ячейки, вернуть тех, кто устанавливал в регионе советскую власть, убрать из советов коммунистов. Вооруженные выступления проходили во всех республиках Северного Кавказа под национально-религиозными лозунгами. Достаточно активным было сопротивление коллективизации в Чечне, большинство районов которой было охвачено долгосрочным противостоянием с 1928 до конца 1930-х гг. В планы восставших входило объединение с повстанцами Ингушетии, Дагестана и вовлечение в борьбу с советской властью казаков. В 1930-м году весь Карачай был охвачен повстанческим движением.

В январе 1930 г. постановлением ЦК ВКП (б) «О коллективизации на Северном Кавказе» национальные области Северо-Кавказского края «за исключением Адыгеи и осетин» были отнесены к районам сплошной коллективизации [1, с. 35]. Комиссия по раскулачиванию в крае приняла решение действовать силовыми методами. Арестам подверглись десятки тысяч человек. Только за 1930–1931 гг. из Северо-Кавказского края выселили 180 тыс. чел., было раскулачено свыше 50 тыс. хозяйств, 20 тыс. человек отдано под суд, 600 – расстреляны [3, с. 156–157].

В ходе коллективизации в национальной политике советского государства произошел резкий крен в сторону нивелирования этнических особенностей горского населения. К этому времени уже начала формиро-

ваться национальная элита, ставшая во главе процесса сохранения своего культурно-исторического типа. Находясь в сложном положении – между своим народом и союзным партийным и советским руководством – она в значительной степени была на стороне этноса. Здесь колхозы не стали преобладающей системой хозяйствования, а местное население крайне настороженно, порой даже враждебно, стало относиться к советским порядкам. Универсализм в реализации политики коллективизации в регионе нанес ощутимый урон авторитету советской власти. Отсутствие продуманной связи экономической и национальной политики стало одним из факторов, формировавших предпосылки событий 1991 г.

Библиографический список

1. Бейтуганов С.Н. Восстание крестьян в Кабардино-Балкарии в 1928–1931 годах. С.35. <http://fond-adygi.ru/dmdocuments/85.pdf> (21.05 2022).
2. Народы Кавказа / под ред. М.О. Косвена. Т.1. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. 1302 с.
3. Очерки истории Северного Кавказа: XX век. Пятигорск–Ставрополь: ПГЛУ, 2014. С.156–157. 354 с.
4. Сивков С.М. Национальная политика большевиков в 1920–1930-е гг. // Национальная политика и модернизация системы управления на юге России. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. 478 с.
5. Хунагов А.С. «Выселить без права возвращения...». Депортация народов Юга России. 20–50-е годы. Майкоп: Меоты, 1999. 167 с.

Любовь Лазарева

«Тайна» XX века: роль экономического фактора в гибели СССР²

Несмотря на богатый историографический багаж, до сих пор идет дискуссия: какой вес экономического фактора в причинах и предпосылках геополитической катастрофы – гибели СССР?

Важным этапом на пути осмысления данной проблемы стала монография «Реформы в России с древнейших времен до конца XX в.» [3]. В заключительной статье д.и.н. В.В. Журавлева сформулированы выводы, очерчивающие как существенные черты догоняющей модернизации

² Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект 21–09–43005 «Методология исследования причин распада СССР».

«по-советски», так и указывающие на закономерность ее на тысячелетнем пути страны в качестве очередной «революции сверху». Историк видит причину неудачи многовековой «погони» за мировыми лидерами в «...идеологии и психологии догоняющего развития...», заставлявших ставить во главу угла именно экономику, забывая о гармонии составляющих процесс обновления факторов [4, с. 658].

Для решения «загадки» советской экономики не менее важны исследования самой базовой модели, лежавшей в основе народно-хозяйственного механизма. Намеченная В.И. Лениным в работе «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» [2] хозяйственная система, которая должна была возникнуть после прихода большевиков к власти, оказалась нереализуема. Принятое советскими лидерами решение о форсированной индустриализации стало катализатором для формирования «сталинской модели», оставшейся «скелетом» советской экономики на весь отпущенный той период.

На круглом столе были представлены два сборника документов и материалов, выпущенных издательством РОССПЭН: «Сталинское экономическое наследство: планы и дискуссии, 1947–1953 гг.» и «Социальная политика СССР в послевоенные годы: 1947–1953 гг.» [6; 4].

В первом разделе «Сталинского экономического наследства...» освещены основные этапы формирования долгосрочной стратегии развития страны. Материалы комиссии ЦК ВКП(б), руководившей созданием проекта новой партийной программы, раскрывают перед читателем представления политической верхушки страны о достижении заявленной большевиками цели – построении коммунистического общества. И этот «дивный новый мир» виделся им, прежде всего, как общество изобилия.

Вместе с тем «сталинская» модель обеспечивала приоритет развития сектора «А» – производства средств производства. Такой выбор был обусловлен как задачей гарантировать Родину «от всяких случайностей» [5], так и установкой на модернизацию на собственной базе. Выход современники искали в научном прорыве, новых технологиях, быстром внедрении новаций в производство. Все это должно было обеспечить возможность значительного роста уровня жизни.

Второй сборник раскрывает перед читателями как механизмы самой «сталинской» модели, построенной на парадигме единой «фабрики – государства», так и социальную цену, заплаченную обществом за выход СССР на уровень второй экономики мира. Именно после реформы 1947 г., «убравшей» из народного хозяйства «лишние» деньги и сделавшей возможным ежегодное снижение цен, механизмы «сталинской» мо-

дели достигли пика своего развития. Проблему дефицита товаров широкого потребления помогал решать кооперативный сектор, перманентное снижение цен формировало социальный оптимизм, госзаймы «убирали» денежный навес, не обеспеченный товарным покрытием. Рост производительности труда и квалификации мотивировались дифференциацией заработной платы, трудовой коллектив нацеливался на борьбу за снижение себестоимости, производя больше продукции с наименьшими издержками. Давление на аграрный сектор осуществлялось как за счет низких закупочных цен на продукцию, так и с помощью налогов и натурального обложения. Поэтому, отработав за трудовни, колхозник был вынужден с помощью личного подсобного хозяйства не только обеспечить продуктами свою семью, но и продать часть выращенного там на рынке.

Совокупность представленных документов и материалов дает основание для вывода: запрос на реформирование «сталинской» модели был объективен. Он формировался, прежде всего, необходимостью обеспечения более сбалансированного соотношения накопления и потребления. К тому же, задачи Центра на новом этапе развития модернизационного процесса входили в противоречие с объективными возможностями качественной обработки информации – необходимым условием в «сталинской» модели. «Прорыв» в «общество изобилия» ставился под угрозу и ценовой структурой экономики, «заточенной» под количественные характеристики.

«Наследники» Сталина решительно взялись за корректировку экономической политики. Трудно переоценить вклад в исследование этого этапа реформирования советской экономической модели д. и. н. Ю. В. Аксютин. Результаты исследовательского поиска историка можно резюмировать так: поворот к нуждам человека требовал инвестиций в сектор «Б». Незавершенная модернизация в сочетании с геополитическими амбициями ставили политиков перед необходимостью смены внешнеполитической стратегии или «смягчения» идеологии. Но, как справедливо пишет Ю. В. Аксютин, советские лидеры были «державники и коммунисты». Они не могли сделать такой выбор [3, с. 463–464].

Неудача осмысления особенностей и теоретического обоснования «сталинской» модели привели к тому, что новации политических лидеров, возглавивших страну после смерти И. В. Сталина, лишь деформировали сложившуюся на практике систему хозяйствования.

Экономическая реформа 1965 г., базировавшаяся на парадигме противоположной «сталинской» «единой фабрики», лишь усугубляла процесс

снижения эффективности народно-хозяйственных механизмов. Подробно данная проблема раскрывается в представленной на круглом столе монографии Экономическая реформа 1965 года: предпосылки, ход, итоги [1] .

Еще на уровне поиска концепции попытки преодоления «сталинской» модели развернулась широкая дискуссия как среди специалистов, так и широких масс трудящихся. Обсуждение выплеснулось на полосы центральных газет. Условно в ней можно выделить три лагеря:

- «реформаторов», ратовавших за усиление «рыночных» рычагов;
- «консерваторов», доказывавших несовместимость «харьковской системы» – так окрестили журналисты предложения профессора Либермана – со «сталинской» моделью;
- «центристов», понимавших необходимость реформ, при этом ратовавших за внедрение новых методов хозяйствования с оговорками и ограничениями.

Судя по выводам Ю.В. Аксютин, победить могла только позиция «центристов».

Итогом стало затухание положительного импульса хозяйственной реформы по мере охвата новыми методами хозяйствования экономики СССР.

Можно констатировать: деформация механизмов «сталинской» модели усиливала проблемы экономики. Питательная среда дефицита стимулировала «ростки капитализма» под «перинной» социалистической идеологии. Дискредитация идеи светлого коммунистического «завтра» выбивала «замковый камень» из «советского проекта», лишая его центрирующей основы.

Какова же роль экономического фактора в гибели СССР?

Неспособность элиты решить задачи очередного этапа модернизационного процесса и идеология догоняющего развития запустили центростремительные силы, стимулируя региональных лидеров к борьбе с Центром за ресурсы. Исходя из такого понимания проблемы, получается, что экономический фактор занимал важное, но далеко не ведущее место, в постигшей страну геополитической катастрофе.

Библиографический список

1. Лазарева Л.Н. Экономическая реформа 1965 года: предпосылки, ход, итоги М.: ИИУ МГОУ, 2021. 310 с.
2. Ленин В.И. Грозящая катастрофа и как с ней бороться / В.И. Ленин. М.: Прогресс, 1982. 78 с.

3. Реформы в России с древнейших времен до конца XX в.: в 4 томах / Институт общественной мысли; ответственный редактор д. и. н., проф. И. Н. Данилевский. Москва: РОССПЭН, 2016. Т. 4: 1917–1991 гг. / ответственный редактор д. и. н., проф. В. В. Журавлев. 2016. 671 с.

4. Социальная политика СССР в послевоенные годы: 1947–1953 гг.: Документы и материалы / составители В. В. Журавлев, Л. Н. Лазарева. Москва: Научно-политическая книга, 2020. 718 с.

5. Сталин И. В. Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 г. Эл. ресурс. Режим доступа: [<http://morgopolit.milportal.ru/pochemu-my-silnee-rech-stalina-9-fevralya-1946-g/>]. Дата обращения: 31.05.2022.

6. Сталинское экономическое наследство: планы и дискуссии, 1947–1953 гг.: документы и материалы / составители В. В. Журавлев, Л. Н. Лазарева. Москва: РОССПЭН, 2017. 646 с.

Дмитрий Маслов

Экономические реформы периода горбачевской «перестройки» и распад СССР³

Экономический фактор распада Советского Союза в последние годы стал реже упоминаться в качестве причины распада СССР. Впечатление такое, что некоторые исследователи едва ли не демонстративно отказываются от рассмотрения этого фактора (либо считают его несущественным), в чем можно заметить разрыв с некогда существовавшей традицией марксистской историографии выделять экономику как базис общества. Так, на пятидесяти страницах своей монографии о последних годах СССР, посвященных анализу причин его распада, Р. А. Медведев вообще не рассматривает экономику [3, с. 583–634]. Критически оценивают объяснительный потенциал экономического влияния С. Коэн, А. Браун, А. Медушевский и ряд других исследователей. Представляется, что такая оценка значимости экономического фактора является не совсем обоснованной.

В основе советского социально-экономического кризиса исследователи обнаруживают как минимум четыре крупных причины: хронические болезни плановой экономики; структурные противоречия, связанные с переходом от раннеиндустриального общества [7, с. 24–25]; влияние необязательных, в т. ч. внешних обстоятельств (удар по бюджету от па-

³ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект 21-09-43005 «Методология исследования причин распада СССР».

дения цен на нефть, Чернобыльская авария, землетрясение в Армении и т. п.); ошибки команды М.С.Горбачева. Но являются ли они причинами распада СССР?

Подробнее остановимся на идее «республиканского хозрасчета», ставшей для ряда республик «пробой пера» как первого шага к суверенизации. Заявление на этот счет заместителя Председателя Совета министров Литовской ССР К.Прунскене на первом Съезде народных депутатов СССР в июне 1989 г. было построено на постулировании тезиса о невозможности проведения реформ в сложившейся в Союзе сверхцентрализованной экономике. Прунскене совершенно открыто призвала заменить единое народное хозяйство прямыми связями между республиками и предприятиями. Причем республики должны были получить полномочия в сферах денежно-кредитного и финансового обращения и внешнеэкономической деятельности [4, с. 21–24]. Дискутируя с С.В.Чешко, придерживающимся такой же оценки взглядов Прунскене, как проявления экономического изоляционизма [8, с. 268, 276], А.В.Шубин почему-то отметил, что схема Прунскене предусматривала полноценное союзное государство. Полагаем, что в этом случае А.В.Шубин неточно трактует источник – тот же текст выступления Прунскене на I Съезде народных депутатов СССР. Территориальными общностями, которые должны осуществлять полноценное экологическое, социально-демографическое, культурное, национальное регулирование являются не «и небольшие республики», как цитирует Шубин [7, с. 14–15], а просто «небольшие республики» (без союза «и») [4, с. 22], что меняет смысл идеи Прунскене, фактически не оставляя в ней места «большим» территориальным образованиям типа Союза ССР.

Эстонский коллега Прунскене Р.Отсасон высказался тогда же прямо: все платежи предприятий должны поступать в республиканский бюджет, а уже оттуда в виде некоего «сводного взноса» республики поступать в Центр. Авторы таких идей тогда не поясняли, зачем в этой схеме вообще нужно союзное государство, хотя отрицательный ответ вытекает сам собой. Подрыв союзного бюджета в 1991 г. во многом за счет сокращения поступлений из республик является общеизвестным фактом. Так, в апреле 1991 г. советские СМИ распространили обращение к Президенту СССР председателя комиссии по бюджету, плану и финансам Совета Союза Верховного Совета СССР В.Г.Кучеренко, министра финансов СССР В.Е.Орлова и председателя Госбанка СССР В.В.Герашенко, в котором основной причиной неисполнения Союзного бюджета на 1991 г. они называли принятие союзными республика-

ми и, прежде всего, РСФСР, законодательных актов по распределению бюджетных доходов, противоречащих союзному законодательству [2, с. 117–119; 1, с. 348–349]. Е.Гайдар считал, что черту под историей СССР подвела уступка Горбачева республиканским лидерам, когда союзный президент согласился на сбор налогов только республиками и лишил Союз финансовой основы [1, с. 376].

Правда, К.Прунсене вынуждена была в 1989 г. признать неравномерность экономического развития республик и неготовность ряда из них к хозрасчету, а также и то, что региональные различия в результате реформы могут усилиться. Эту проблему она разрешает философски: «лучше жить по-разному хорошо, чем всем одинаково плохо» [4, с. 22–24]. Следовательно, идея республиканского хозрасчета в том виде, как она замышлялась, имела приоритетом не укрепление экономической основы СССР, а реализацию лозунга «каждый за себя». Вопрос об экономическом суверенитете республик поднимался их представителями (прибалты, Грузия) и на последующих Съездах народных депутатов СССР [4, с. 116], когда уже полным ходом шли национальные процессы и политическая реформа, что указывает на самостоятельное значение экономического фактора в плане распада СССР. Это обстоятельство важно и в том плане, что указанный экономический фактор объясняет суверенизацию лишь отдельных республик и практически не является характерным для Казахстана и Средней Азии. Означает ли это, что экономический фактор должен быть исключен из числа причин распада СССР? С таким выводом не стоит торопиться, т.к. те республики, от которых зависела судьба Союза – и, прежде всего, Россия и Украина, оказались подвержены действию этого фактора. В конце концов среднеазиатским республикам ничего не оставалось, кроме как примкнуть к принятым первоначально не ими дезинтеграционным решениям. Дезинтеграция союзного государства в сфере экономики была разносторонней, когда даже, как принято считать, особо спешившие на выход из СССР прибалтийские республики проявляли осторожность.

В литературе общим местом стала констатация того, что ключевые события распада СССР произошли во второй половине 1991 г. Но очень редко это увязывается с динамикой экономического фактора. Так, А.В.Островский обратил внимание на заявление Б.Н.Ельцина 10 августа о том, что после подписания Союзного договора (намеченного на 20 августа) М.С.Горбачев обещал президенту России передать своим указом весь союзный «экономический потенциал» под юрисдикцию России [5, с. 556–557]. Все исследователи обращают внимание на срыв гэкачепистами подписания Союзного договора. Но при этом лишь немногие, как

А.В.Островский, подмечают, что в части экономической перетекание ресурсов из-под союзной юрисдикции в республиканскую (в частности, российскую) не только не остановилось, но даже и ускорилось в ходе и сразу после т.н. «путча» [5, с.617, 624–625].

Считаем совершенно не случайным, что Беловежье состоялось лишь тогда, когда к России не только перешли ключевые экономические рычаги, но и в основных чертах сложилась программа перехода к рынку. В этой ситуации Союз не только стал ненужным руководству «продвинутых» в плане сепаратизма таких республик, как Россия, но даже и вредным. Отчасти экономический фактор объясняет и то обстоятельство, что СССР не рухнул сразу после августа 1991 г., когда союзной власти был нанесен мощный удар. При этом следует учесть, что, конечно, не все экономические вопросы были решены к декабрю 1991 г. – с союзным бюджетом, собственностью, долгами продолжили разбираться и в следующем году [6, с.74], что говорит лишь о том, что наряду с экономическими были и другие причины распада СССР.

Безусловно, имелись и другие обстоятельства, способствовавшие дезинтеграции СССР в сфере экономики. Но и сказанное свидетельствует, что экономические факторы сыграли значительную роль в крахе Советского Союза.

Библиографический список

1. Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. 440 с.
2. Ефимов Н.Н. Распад СССР. 1991 год. М.: Вече, 2021. 320 с.
3. Медведев Р.А. Советский Союз. Последние годы жизни. Конец советской империи. М.: АСТ: АСТ Москва: Полиграфиздат, 2010. 637 с.
4. Народные депутаты СССР: экономика сегодня и завтра: Сборник / Сост. С.Н.Красавченко, Г.Л.Подвойский. М.: Моск. рабочий, 1990. 255 с.
5. Островский А.В. Глупость или измена? Расследование гибели СССР. М.: Крымский мост-9Д – ФОРУМ, 2011. 864 с.
6. Распад СССР: документы и факты (1986–1992 гг.): в 2 т. Т.1: Нормативные акты. Официальные сообщения / под общ. ред. С.М.Шахрая; сост. С.Н.Станских; Фонд современной истории. М.: Волтерс Клувер, 2009. 1120 с.
7. Распад СССР: объективные причины и субъективный фактор / Распад СССР. Документы. Составитель А.В.Шубин. М.: ИВИ РАН, 2006. 286 с.
8. Чешко С.В. Распад СССР: этнополитический анализ. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН, 2000. 395 с.